

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсянко-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

7-го Сентября 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 14

Редакція № закончена 6 Сентября

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Terra incognita.

Проф. М. Грушевскій. Украинство въ
Россіи, его запросы и нужды.

Трудно найти область, въ которой представленія широкихъ слоевъ общества въ такой степени страдали бы неясностью и сбивчивостью, какъ область такъ называемаго украинскаго вопроса. Украинскій вопросъ оставался, да и остается, для большинства „вопросомъ“ по преимуществу. У насъ легче можно найти людей, знакомыхъ съ національными отношеніями самыхъ отдаленныхъ мелкихъ народностей, чѣмъ съ украинскими отношеніями. И,—какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда отсутствуетъ знаніе дѣла, — сужденія по данному вопросу большею частью поражаютъ чрезвычайной категоричностью, основанной не на фактахъ, а на личныхъ симпатіяхъ и настроеніяхъ. Почему это? Почему національные интересы 25-милліоннаго народа такъ мало интересуютъ другія народности, живущія о-бокъ съ нимъ въ томъ же государствѣ? Почему даже среди представителей самого украинскаго племени очень часто не видимъ яснаго національнаго самосознанія, сознанія своихъ національныхъ правъ и интересовъ и своихъ ближайшихъ обязанностей по отношенію къ родному народу?

Въ этомъ случаѣ повторяется то же, что бывало раньше и, конечно, будетъ еще впереди съ народностями, прошедшими черезъ строй самыхъ сильныхъ репрессій, самаго разнообразнаго національнаго гнета. Подъ давленіемъ этого гнета народность, даже съ ясно выраженною національною фizioноміей, часто теряетъ сознаніе своего національнаго „я“. Если съ Украиной не случилось этого въ полной мѣрѣ, то лишь потому, что она попала подъ денационализующій прессъ уже съ прочной самостоятельной культурой, совершенно подавить которую было вообще трудно, а вытравить—невозможно. Въ украинскомъ національномъ организмѣ въ моменты даже самаго высокаго ассимилирующаго давленія все же продолжалъ

бится пульсъ національної жпзнп — въ видѣ ли стихійнаго или вполне сознательнаго проявленія — и при первомъ удобномъ случаѣ струя національной жизни заявляла себя болѣе или менѣе интенсивно. Но этотъ окончательный плюсъ являлся въ результатѣ столкновения двухъ борющихся и взаимно ослабляющихъ другъ друга силъ и не давалъ даже приблизительнаго представленія о тѣхъ положительныхъ результатахъ національнаго развитія, какіе несомнѣнно обнаружались бы въ томъ случаѣ, если бы развитіе это совершалось при вполне нормальныхъ условіяхъ.

Но въ томъ то и дѣло, что условія эти были крайне ненормальны и для страдательной стороны — просто убійственны. Они далеко не представляли изъ себя покушенія съ негодными средствами; если бы они были направлены на организмъ менѣе устойчивый и не въ такой степени успѣвшій сформироваться, они поглотили бы его совершенно. Въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ старанія сильнаго правительства — сперва московскаго, потомъ не менѣе централизирующаго петербургскаго — направлены были къ полной денационализаціи Украины, къ совершенному поглощенію ея великорусскою стихіей во всѣхъ сторонахъ духовной и матеріальной жизни. Политика обрусѣнія производилась послѣдовательно, почти безъ отступленій и съ изумительной настойчивостью и неразборчивостью средствъ. Ударъ за ударомъ, непрерывно и неослабно долбившіе въ одну точку національнаго обезличенія украинской народности, сдѣлали свое дѣло, хотя только лишь на половину: національная стихія не была задущена, но душа народа была исковеркана, развитіе его—духовное и матеріальное — было задержано и даже, въ нѣкоторыхъ сторонахъ, пошло по ложному пути. На эту сторону государственной политики — сторону обрусѣнія — обращено было большое вниманіе, въ ущербъ положительнымъ сторонамъ дѣятельности правительства, и результаты получились съ точки зрѣнія руководителей обрусительной политики — довольно благоприятные.

Общій очеркъ обрусительныхъ репрессій по отношенію къ украинской народности находимъ въ недавно вышедшей брошюрѣ проф. М. С. Грушевскаго, заглавіе которой выписано выше. Авторъ не имѣлъ въ виду останавливаться подробно и исчерпывающе на положеніи украинства въ Россіи; онъ указываетъ только нѣкоторые, болѣе основные факты въ этомъ отношеніи, которыми мы и воспользуемся въ настоящемъ случаѣ, дополняя ихъ и другими данными.

„Отношеніе правительства Россіи къ украинской народности, — говоритъ проф. Грушевскій, — вообще было единою сплошною исто-

ріей репрессій... Сначала оно направляетъ свою энергію на уничтоженіе политической особы и автономіи Украины, мѣстныхъ формъ политическихъ и общественныхъ отношеній и осуществляетъ эти стремленія, не справляясь съ желаніями и стремленіями украинскаго общества и народа, не обращая вниманія на отчаянное сопротивленіе, глубокое неудовольствіе, не считаясь со своими обѣщаніями и обязательствами. Затѣмъ оно стремится ввести ту же нивелляцію и въ культурную и въ духовную жизнь Украины, вытравить традиціи ея прошлой жизни и не только подчинить, но и вполне ассимилировать ее великорусской культурѣ. Языкъ — этотъ первый и самый важный показатель національной особы—обращаетъ на себя главное вниманіе политиковъ нивелляціи, и уже въ первой четверти XVIII в. правительство ставитъ требованіе, чтобы въ украинской литературѣ „никакой розни и особаго нарѣчія не было“. Подавивъ, дѣйствительно, всякую литературу на мѣстномъ языкѣ цензурными репрессіями въ XVIII в., правительственная политика становится въ XIX в. на той точкѣ зрѣнія, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, какъ выразился въ своемъ циркулярѣ министръ Валуевъ, солидаризуясь съ жалкими измышленіями, что украинскій языкъ представляетъ собою лишь искаженіе русскаго языка, „испорченный русскій языкъ“, и т. п. Врожденное, совершенно естественное, стихійное стремленіе украинской народности къ проявленію своего національнаго содержанія представляется правительствомъ, со словъ охранительной печати, какъ искусственно привитые посторонними вліяніями, враждебные государству, подлежащіе преслѣдованію и искорененію политическіе замыслы, результаты интриги польской, австрійской и Богъ знаетъ еще какой. „Сепаратизмъ“ становится страшнымъ крикомъ, вѣщающимъ всевозможныя бѣды, и подъ понятіе его подводятся самыя невинныя проявленія любви къ родному краю и народу, его языку и прошлому. И, усердно создавая своими репрессіями всѣ поводы для неудовольствія, для „сепаратизма“, съ другой стороны во имя призрака этого сепаратизма лишали украинское населеніе имперіи самыхъ элементарныхъ образовательныхъ средствъ, удовлетворенія первѣйшихъ потребностей духовной жизни человѣка—употребленія родного языка и творчества на немъ“.

Кульминационнымъ пунктомъ и очень яркимъ фактомъ репрессій въ культурно-національной области является пресловутый законъ 1876 года, воспрещающій на украинскомъ языкѣ всѣ роды литературнаго творчества за исключеніемъ „изящной словесности“. Для того, кто не видѣлъ воочию губительнаго дѣйствія этого закона,

онъ кажется какой-то фантастической легендой; нельзя представить себѣ, напр., какъ это популярныя брошюры о травосѣяніи, дифтеритѣ и даже евангеліе потому только, что они на украинскомъ языкѣ,—могутъ быть запрещенными книгами, контрабандный провозъ которыхъ въ предѣлы Россіи карается по всей строгости законовъ. А между тѣмъ не прошло еще и года, какъ законъ этотъ пересталъ примѣняться. „Во всемірной исторіи,—справедливо замѣчаетъ г. С. Ефремовъ по поводу этого закона,—имѣется, по всей вѣроятности, лишь одинъ фактъ, который можно бы поставить въ параллель съ настоящимъ,—это именно изданный въ 1566 году Филиппомъ II Испанскимъ эдиктъ, предписывавшій новокрещеннымъ мавраамъ отказаться отъ всего, что могло служить хоть какимъ-нибудь напоминачіемъ объ ихъ прежней религіи. „Имъ было предписано,—говоритъ Бокль,—подъ страхомъ строжайшихъ наказаній учиться по-испански и выдать всѣ свои арабскія книги. Имъ не позволялось ни читать, ни писать, ни даже говорить дома на своемъ родномъ языкѣ“.

Принципіальное и практическое значеніе закона, воспреещающаго литературное творчество даже не изъ-за содержанія его, а потому лишь, что оно выражается на извѣстномъ языкѣ, — понятно безъ всякихъ комментаріевъ. Наряду съ этой мѣрой наиболее грубаго воздѣйствія на духовную жизнь народа слѣдуетъ поставить другую, строго примѣняемую и въ настоящее время и воспреещающую употребленіе украинскаго слова даже въ качествѣ языка школьнаго преподаванія, не говоря уже объ употребленіи его въ сферахъ административной, судебной и др. Для характеристики того, что даетъ денационализованная школа на Украинѣ, достаточно сослаться на авторитетъ извѣстнаго педагога К. Д. Ушинскаго, который говоритъ по этому поводу, что „если такая школа не пустятъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, вопервыхъ, гораздо ниже народа: что же значить она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ, передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтій; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ — на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы, совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько

десятокъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчій написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ“.

Дѣйствіе такой системы оглушенія оказалось ужасно и выразилось въ значительной отсталости украинскаго населенія по сравненію съ великорусскимъ, благодаря именно тому преимуществу, какое дается послѣднему ученіемъ на родномъ языкѣ. Украинское населеніе гораздо меньше пользуется школою, результаты школьнаго обученія среди него гораздо ниже, за то, наоборотъ, рецидивизмъ безграмотности значительно выше. А между тѣмъ когда-то украинскую территорію покрывала густая сѣть школъ, съ которой едва можетъ сравниться нынѣшняя. Въ Слободской Украинѣ перепись 1732 г. показываетъ такой же процентъ учащихся въ школахъ, какой существовалъ въ Харьковской, напр., губерніи въ 1882 г. И все это нисколько не удивительно. Свободное функціонированіе школы замѣнено внѣшней, посторонней регламентаціей, своя, народная школа, соответствующая современнымъ потребностямъ и современному уровню, уступила мѣсто школѣ на неизвѣстномъ языкѣ, на изученіе котораго тратится большая часть той энергіи, которая должна уходить на усвоеніе самихъ званій. Недостатокъ этотъ даже не могъ быть восполненъ и внѣшкольнымъ образованіемъ, такъ какъ, не говоря уже объ учебникахъ по различнымъ отраслямъ знаній, даже украинскій букварь до самаго послѣдняго года былъ предметомъ безплодныхъ мечтаній сторонниковъ національной школы на Украинѣ.

Еще хуже обстоитъ дѣло со средней и высшей школою. Украинцамъ въ Россіи все еще приходится пока только утѣшаться сознаніемъ, что въ маленькой закордонной Галичинѣ, не смотря даже на противодействие польско-шляхетской администраціи, существуютъ украинскія гимназіи, университетскія каѳедры, существуетъ украинское ученое общество.

Послѣдовательно негативнымъ было отношеніе правительства къ украинской національности, къ украинскимъ интересамъ и во всѣхъ

другихъ областяхъ, гдѣ дѣло шло объ удовлетвореніи жизненныхъ нуждъ, вызываемыхъ различіемъ національнаго быта, и въ особенности, когда нѣкоторое „послабленіе“ могло предоставить возможность развитію какой-либо стороны національной культуры. Языкомъ администраціи и суда на Украинѣ является языкъ великорусскій, хотя онъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ совершенно не понятенъ населенію, что и ведетъ къ тяжелымъ для послѣдняго практическимъ послѣдствіямъ. Украинское искусство—пѣсня, музыка, театръ, въ особенности послѣдній—не только не культивируется, безъ чего вообще не возможенъ расцвѣтъ искусства, но даже всячески стѣсняется въ своемъ развитіи, подвергаясь часто просто изумительнымъ въ смыслѣ изобрѣтательности репрессіямъ. Само собою разумѣется послѣ этого, что постановка проблемъ политико-соціальныхъ и экономическихъ, вызываемыхъ разнообразными особенностями жизни Украины, вызвала всегда самое рѣшительное преслѣдованіе, какъ крайне вредный „сепаратизмъ“. Словомъ, говоря словами проф. Грушевскаго, „украинскій языкъ былъ обреченъ на небытіе, украинская народность—на вымираніе въ качествѣ народности и на приобщеніе къ народности великорусской путемъ школы и культуры“.

Не будемъ въ данномъ случаѣ распространяться о томъ, какіе болѣзненные эксцессы эта система вызвала въ самомъ организмѣ украинской народности. Ограничимся лишь, такъ сказать, психологическимъ воздѣйствіемъ ея на различные слои украинскаго общества.

Воздѣйствіе это было очень разнообразно. Въ книгѣ проф. Грушевскаго намѣчены три его развѣтвленія. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ внѣшнихъ репрессій одни изъ украинцевъ или замолчали вовсе или, идя „въ сторону наименьшаго сопротивленія“, подавляли свои общественные интересы и обращались къ „безобиднымъ“ занятіямъ лингвистикой, археологіею, нумизматикой, археографіею и т. п. Затѣмъ значительная часть украинскаго общества, находя прегражденными всѣ пути къ дѣятельности на пользу своего народа, бросались въ борьбу съ режимомъ, создававшимъ эти трудности. Представители этой части украинскаго общества охладѣвали къ національному вопросу, считая въ данныхъ условіяхъ „уक्रаинофильство“ дѣтскою забавою, а всѣ попытки легальной дѣятельности—пародіею дѣятельности, и становились въ первые ряды движеній, стремившихся разрушить самый государственный строй, создававшій тѣ отношенія, которыя ихъ окружали.

Наконецъ, для болѣе національно-сознательныхъ элементовъ, безпощадная война, объявленная украинству правительственными сферами Россіи и не оставлявшая мѣста никакимъ компромиссамъ,

никакому оппортунизму, имѣла лишь тотъ результатъ, что руководящія идеи украинства вырабатывались въ рѣзкой оппозиціи бюрократическому абсолютистически-централистическому старому режиму Россіи. Аrenoю для выработки и развитія идей этого рода явилась закордонная Галичина, невольный оплотъ украинства, лишенная легальной почвы въ Россіи. Какъ бы бдительно ни охранялись австрійскіе кордоны, новыя идеи безпререивно проникали черезъ нихъ не только въ своей невѣсомой природѣ, но и въ видѣ обширной литературы, рассчитанной на разнообразныхъ читателей и особенно обильно распространявшейся среди народа. Политическіе идеалы этихъ кадровъ украинства послужили затѣмъ почвой и матеріаломъ для программъ существующихъ теперь на Украинѣ демократическихъ партій, изъ которыхъ нѣкоторыя принимали участіе и въ выборной агитаціи и въ самихъ выборахъ и имѣли своихъ представителей въ первомъ россійскомъ парламентѣ.

Непосредственное активное значеніе въ развитіи украинскаго національнаго дѣла имѣеть, конечно, послѣднее изъ указанныхъ развѣтлений общественнаго движенія на Украинѣ. Обнимая собою нѣсколько украинскихъ политическихъ партій, въ общемъ сходныхъ въ конечныхъ цѣляхъ національной программы, это послѣднее движеніе стремится къ достиженію національныхъ задачъ подъ флагомъ глубокаго демократизма. Національная индивидуализація народной массы и предпринята имъ не по однимъ только принципиально-теоретическимъ соображеніямъ о законности развитія національныхъ особенностей племени, но и главнымъ образомъ потому, что развитіе національное является тою необходимою и наиболѣе цѣлесообразною формою, въ которой и при посредствѣ которой совершается развитіе и обнаруженіе всѣхъ вообще силъ націи — духовныхъ и матеріальныхъ. Украинскія демократическія партіи, добиваясь всесторонняго примѣненія національной формы развитія народныхъ массъ, сами прежде всего пользуются этою формою для воспитанія народныхъ массъ въ цѣляхъ общаго освободительнаго движенія.

Казалось бы, указанныя цѣли, общія съ другими современными россійскими прогрессивными направленіями, должны явиться совмѣстною почвой и связующимъ между ними звеномъ для обоюднаго пониманія и взаимодѣйствія. Такъ какъ украинскія и россійскія демократическія партіи идутъ къ однимъ общимъ цѣлямъ и только различными, ближайшими для каждой дорогами, то, казалось бы, слѣдовало бы ожидать въ этомъ случаѣ и взаимной поддержки.

„Къ сожалѣнію,—справедливо замѣчаетъ въ своей брошюрѣ проф. Грушевскій,—нужно сказать, что игнорированіе правящими сферами

украинскаго вопроса совпадаетъ съ довольно безучастнымъ же отношеніемъ къ этому вопросу самого великорусскаго общества и его руководящихъ круговъ. Если „патріотическая“ часть печати не щадитъ инсинуаций и обвиненій по отношенію къ кардинальнымъ запросамъ украинскаго общества, то въ прогрессивныхъ органахъ обыкновенно царствуетъ холодное и мало располагающее молчаніе. По большей части нѣтъ прямо враждебныхъ выходокъ, но и нѣтъ сочувствія и помощи. Ее находятъ Поляки, Финляндцы, нѣкоторыя другія народности, но безпощадно угнетенная украинская народность, самая большая изъ негосударственныхъ народностей Россіи, наиболѣе близкая по крови великороссійской и внесшая въ сокровищницу ея культурной, общественной и государственной жизни столько, сколько не внесла никакая другая, не находитъ живой поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ раскрытію“.

Высказанная мысль далеко не является голословною. Она находитъ для себя слишкомъ краснорѣчивыя подтвержденія въ фактахъ самаго послѣдняго времени. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на безучастное или даже несочувственное отношеніе значительнаго большинства прогрессивной великорусской интеллигенціи къ постулату автономіи Украины. На страницахъ „Украинскаго Вѣстника“ отмѣчались, напр., далеко несочувственные отзывы по этому вопросу корифеевъ партіи, наиболѣе вліятельной въ бывшей Думѣ. Въ то время какъ требованіе автономіи Польши, напр., весьма опредѣленно поддерживалось и пропагандировалось ею, требованіе украинской автономіи или встрѣчалось непріязненно, или же, что фактически представляетъ то же самое, откладывалось въ самый отдаленный ящикъ.

Такія отношенія составились не со вчерашняго дня. Они имѣютъ за собою довольно почтенное прошлое и такъ сказать установившуюся традицію. Какъ на классическій примѣръ изъ области прошлаго можно указать на отношеніе Вѣлинскаго къ Шевченку. Отзывъ Вѣлинскаго наполненъ такими грубыми выходками по отношенію къ послѣднему, что трудно допустить, чтобы слова эти принадлежали не только виднѣйшему представителю литературы, но даже просто культурному и мыслящему человѣку.

Въ чемъ же заключается причина того прискорбнаго явленія, что украинскія стремленія въ призмѣ такъ называемаго общерусскаго міровоззрѣнія такъ часто преломлялись подъ угломъ самаго отрицательнаго отношенія? Установить этотъ діагнозъ было бы въ высшей степени интересно. Къ сожалѣнію, такого объясненія не находимъ въ книгѣ г. Грушевскаго, такъ какъ это не входило въ его задачи. Само собою направивается то самое простое и, повидимому, самое

правильное объясненіе, что въ этомъ случаѣ сказался результатъ тѣхъ репрессій, какія такъ настойчиво и разнообразно примѣнялись къ украинской народности въ теченіе двухъ вѣковъ. Вся политика правительства была направлена къ тому, чтобы стереть самую мысль объ обособленности украинской народности и тѣмъ болѣе — объ удовлетвореніи какимъ либо ея потребностямъ.

Послѣдовательно проводя эту идею въ качествѣ неоспоримой политической аксіомы, правительство во многомъ достигло своей цѣли. Верхи украинскаго народа въ свое время были куплены разнаго рода „маетностями“ да „шляхетскими вольностями“ до крѣпостного права включительно, а затѣмъ, оторвавшись отъ остальной народной массы, были всецѣло приобщены къ русской культурѣ и государственности. Народная масса, лишенная всякихъ человѣческихъ правъ и предоставленная самой себѣ, менѣе всего могла активно отстаивать національныя права свои, оказывая лишь пассивно-стхійное сопротивленіе направленнымъ на нее денационализующимъ экспериментамъ. Въ результатѣ представленіе объ украинскомъ народѣ, какъ націи, совершенно поистерлось въ представленіи общества. Въ дѣйствительности оказывалась не „нація малороссійская“, какъ ее раньше называли, а „малороссійское двостонародье“, plebs, „хохлацкая чернь“, надъ которою въ лучшемъ случаѣ можно было добродушно пошутиться, но отнюдь не считаться серьезно съ потребностями ея, какъ націи. Просвѣщенные путешественники, удостоивавшіе своимъ вниманіемъ Украинну, изображали затѣмъ свои впечатлѣнія въ такомъ тонѣ, будто они побывали въ страпѣ ботопудовъ, а не въ краѣ, имѣющемъ свою продолжительную и содержательную исторію, свою вѣками выработавшую и насильно стираемую культуру. Положеніе дѣла было таково, что даже появившіеся съ конца XVIII вѣка писатели, представители возрожденной украинской литературы, люди, воплотивъ демократически настроенные и проникнутые живыми интересами роднаго народа, могли найти въ себѣ гражданскаго мужества лишь на столько, чтобы выступить съ литературными произведеніями въ комически-шуточной формѣ. Котляревскій свои демократическіе взгляды, свои обличенія злоупотребленій надъ роднымъ ему народомъ втиснулъ въ рамки комической „Перелицованной энеиды“; Гулак-Артемовскій невыносимое положеніе крѣпостного человѣка изобразилъ въ шуточной „байкѣ“—сатирѣ „Панъ та собака“, гдѣ панскій „крѣпакъ“ выведенъ въ лицѣ по всякому поводу и вовсе безъ повода избиваемой собаки Рябка. Квитка-Основяненко, правда, глубоко заглянулъ въ душу украинскаго простодушнана, открывъ въ ней черты высокой человѣчности гораздо раньше,

чѣмъ это было сдѣлано въ русской литературѣ, и далъ рядъ захватывающихъ повѣстей, написанныхъ уже въ совершенно серьезномъ тонѣ; но это въ общемъ былъ, хотя и благородно-гуманный, но все же довольно односторонній романтикъ, закрывавшій глаза на такое вопиющее социальное зло своего времени, какъ крѣпостное право. И ко второй четверти XIX в., когда выступилъ на сцену Шевченко, взглядъ на украинскій плебс, какъ на благополучную, безответно-добродушную и совершенно безпретенціозную сѣрую массу не былъ вовсе поколебленъ, тѣмъ болѣе, что идеи демократизма въ это время были вообще слабо распространены въ широкихъ слояхъ общества. Когда Шевченко и другіе украинскіе писатели шевченковской плеяды заговорили уже совершенно другимъ языкомъ—прямымъ и рѣшительнымъ—отъ лица угнетеннаго, но требующаго полного вниманія къ своимъ правамъ и нуждамъ народа, то это вызвало въ однихъ недоумѣніе, въ другихъ даже раздраженіе за такую странную претенціозность. Даже не во всѣхъ лучшихъ головахъ могло уложиться новое понятіе объ украинскомъ народѣ, какъ равноправной національной особи, имѣвшей законное право на удовлетвореніе всѣхъ его человѣческихъ и въ томъ числѣ національныхъ правъ. Представленіе о человѣческихъ и тѣмъ болѣе національныхъ правахъ плохо мирилось съ реальнымъ безответнымъ крѣпакомъ, котораго можно было вволю драть на конюшнѣ какъ собаку-Рябка. Эти высокія абстрактныя понятія черезчуръ вульгаризировались отъ такого несоответствующаго ихъ прижѣнія и воплощенія, и это очень шокировало представителей тогдашняго образованнаго общества, слишкомъ разграничивавашаго двѣ сферы—абстрактныхъ понятій и реальной жизни. Даже „землякъ“ Гоголь, изображавшій украинскаго простолюдина въ такой красивой декоративной обстановкѣ, высказывался, что отъ поэзіи Шевченка разитъ дегтемъ. Воспитанный на русской литературѣ и вращавшійся въ средѣ утонченныхъ ея представителей, онъ, несмотря на свои стихійныя симпатіи къ родной Украинѣ и родному народу, улавливаетъ въ реально-неприкрашенномъ изображеніи интересовъ народной массы только чисто „мужичій“ букетъ, хотя букетъ этотъ вполнѣнствіи нисколько не смущалъ его въ выведенныхъ имъ живыхъ великорусскихъ народныхъ типахъ. Такова ужъ была сила традиціоннаго отношенія къ украинской народности, что отъ установившагося шаблона не могъ освободиться даже такой геній мысли и слова. Поползновенія создать свою „мужичью“ литературу для потребностей такъ еще малокультурной массы тѣмъ болѣе могло шокировать такого аристократа мысли и виднѣйшаго художника-творца русскаго литературнаго языка, какъ Бѣлин-

скій. Если этимъ были грѣшны люди столь глубокаго ума и столь широкихъ общественно-литературныхъ взглядовъ, то удивительно ли, что въ широкихъ слояхъ общества царило—да и по сей-часъ продолжаетъ царить—просто фатальное непониманіе всей жизненной необходимости нормальнаго удовлетворенія украинскимъ національнымъ потребностямъ.

Въ такомъ взаимномъ непониманіи виноваты отчасти сами украинцы. Они недостаточно рѣшительно и настойчиво требовали того, что принадлежитъ имъ по праву. Какъ уже упоминалось, многіе наиболѣе активные элементы въ виду тяжелой безвыходности національнаго положенія нерѣдко приносили свои ближайшіе національные интересы въ жертву болѣе общимъ соображеніямъ, откладывая осуществленіе національныхъ задачъ на вторую очередь. Собственно украинскія національныя нужды не имѣли настойчивыхъ адвокатовъ ни въ прессѣ, ни въ общественныхъ организаціяхъ, ни даже передъ правительственными кругами. Бывали цѣлые періоды, и при томъ довольно продолжительные, когда дѣятельность украинскихъ силъ была отмѣчена печатью какой-то безнадежной пассивности и нытьемъ передъ дѣйствительно тяжелыми препятствіями. Это, конечно, не могло имѣть хорошихъ послѣдствій, ибо, какъ извѣстно, серьезное вниманіе и уваженіе вызываются только опредѣленною и рѣшительною постановкою вопроса и настойчивымъ домогательствомъ осуществленія разъ намѣченныхъ цѣлей. Столпы украинства изъ чрезмѣрной дальновидности допускали иногда довольно странныя, чтобы не сказать больше, заигрыванія съ противниками справа и слѣва, еще болѣе затемнявшія и безъ того запутанныя отношенія. Конечныя цѣли украинскаго движенія не только при этомъ замалчивались, но даже отрицались, чтобы не вызвать неудовольствія въ административныхъ сферахъ и не поссориться съ тѣми прогрессивными общественными кругами, которые по части централистическихъ тенденцій немногимъ уступали органамъ правительства. Послушавъ, напр., Костомарова, всѣми силами старавшагося лоялизировать украинскія стремленія, можно было придти къ выводу, что въ сущности никакого украинскаго вопроса не существуетъ, никакой украинской программы не нужно, а все дѣло можно ограничить изданіемъ книгъ для народа, букваря и словаря. Даже Драгомановъ,—человѣкъ, котораго ужъ никакъ нельзя обвинить въ недостатокъ прямоты и гражданскаго мужества въ выраженіи своихъ взглядовъ,—полемизируя съ крайностями націонализма, какъ бы отъ излишней идейной добросовѣстности, доходилъ до другой крайности—до уменія національныхъ задачъ украинства. Это дипломатичанье и ума-

леніе себя не только вызывали недоумѣніе, даже недовѣріе и подозрительность въ сферахъ, непрічастныхъ къ украинскому движенію, но и создавали полный сумбуръ въ рядовыхъ кругахъ украинства, которые, идя за своими вождями, оказывались въ туникѣ большихъ противорѣчій. Дипломатія не имѣла успѣха, никого не убѣдила и даже оказалась безусловно вредною, такъ какъ призракъ „сепараратизма“ все-таки разрушенъ не былъ, а между тѣмъ въ послѣдствіи всякая широкая постановка вопроса побивалась авторитетами Костомарова и др. Столь же отрицательныя послѣдствія имѣла и политика другого рода, стремившаяся свести украинское движеніе къ политико-соціальному задачамъ, съ почти полнымъ устраненіемъ отсюда задачъ культурно-національныхъ.

Тѣ украинцы, которые близко соприкасались съ народной средой, воочію убѣждались, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ—культурнымъ и экономическимъ—приводитъ деаціоналізація народной массы. „Они, — какъ говорилось въ напечатанной въ періодъ „довѣрія“ запискѣ о нуждахъ украинской печати, — видѣли, что народъ лишень единственно возможнаго для него средства просвѣщенія—школы и книги на родномъ языкѣ; они были свидѣтелями того беспощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе родной страны въ беспросвѣтный мракъ невѣжества. Духовныя творческія силы народа замирали; падала его культура, онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагоприятными соціальными и экономическими условіями, доводившими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста наглухо закрыты; у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди родного народа безправными изгнанниками, нѣмыми свидѣтелями совершающагося“. Исходя изъ непосредственныхъ реальныхъ потребностей народа, они въ большей степени реагировали на то давленіе, которое въ каждый данный моментъ причиняетъ наиболѣе ощутительную боль народному организму. И нельзя не признать, что съ этой, практической, стороны наиболѣе ощутительными оказываются тѣ репрессіи, которыя имѣютъ въ виду наиболѣе примитивныя стороны жизни, повседневныя потребности и отношенія. Когда нація лишена права пользованія роднымъ и въ большинствѣ случаевъ единственно доступнымъ языкомъ въ отношеніяхъ административныхъ, судебныхъ, въ церкви, когда она не

имѣть своей школы, газеты, книги, даже своего букваря,—то возмущеніе этой грубой несправедливостью, подогрѣваемое непрерывно; на каждомъ шагѣ, должно интенсивно возрасти до степени всепоглощающаго интереса. Для тѣхъ, кто стоитъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ и въ то же время фактически лишень возможности использовать средства ближайшаго и наиболѣе дѣйствительнаго общенія съ нимъ и культурнаго на него воздѣйствія, — это такая глубокая драма, которую могутъ понять только тѣ, кто пережилъ ее на собственномъ опытѣ. Если бы тѣхъ русскихъ публицистовъ, которые такъ остроумно высмѣиваютъ пристрастіе украинцевъ къ своей „мовѣ“ (непремѣнно въ кавычкахъ), въ одинъ прекрасный день заставить вмѣсто своего роднаго языка во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ прибѣгать къ какой-нибудь другой славянской „мовѣ“, хотя бы къ той же украинской, — они запѣли бы тогда иначе. Сытый голоднаго не понимаетъ. Человѣкъ, выросшій при условіяхъ нормальнаго удовлетворенія національныхъ потребностей, лишь въ нѣкоторой степени, и то при большой искренности и добросовѣстности, можетъ понять психологію національно угнетаемой народности; а такія исключительныя качества, какъ извѣстно, весьма рѣдки. Вотъ отчасти почему приходится видѣть не только игнорированіе украинскаго вопроса, но даже прямо отрицательное къ нему отношеніе со стороны тѣхъ прогрессивныхъ элементовъ общества, отъ которыхъ по идейнымъ основаніямъ, повидимому, слѣдовало бы ожидать совсѣмъ иного отношенія.

Въ интересной и богатой фактами брошюрѣ проф. Грушевскаго не дано анализа причинъ запутанности украинскихъ отношеній, такъ какъ авторъ имѣлъ въ виду исключительно фактическую сторону вопроса и общую постановку возможнаго его разрѣшенія въ будущемъ.

Каковы бы ни были причины, дѣйствіе ихъ во всякомъ случаѣ несомнѣнный наличный фактъ, съ которымъ нужно очень серьезно считаться. Если украинскій вопросъ мало вообще популяренъ и мало встрѣчаетъ сочувствія даже среди наиболѣе прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества, то это сильно затрудняетъ и усложняетъ задачу украинскихъ дѣятелей, вынужденныхъ дѣйствовать на два фронта, — п въ сторону общаго освободительнаго движенія и въ сторону защиты національныхъ интересовъ, имѣя въ виду въ послѣднемъ случаѣ не только органы правительства, но и наличныя общественныя силы. Положеніе не легкое, такъ какъ двойственность задачи ослабляетъ напряженность дѣятельности, — но оно неизбѣжно диктуется создавшимися условіями и отношеніями. „Опытъ послѣдняго времени, такъ много сдѣлавшаго для переоцѣнки многихъ теоретическихъ и прак-

тических цѣнностей, благодаря открывшейся возможности высказаться сравнительно свободно по кардинальнымъ вопросамъ общественныхъ и національныхъ отношеній, много содѣйствовалъ уясненію положенія украинства въ Россіи и ожидающихъ его перспективъ. Выяснилось, какъ мало можно ожидать, при всѣхъ вѣяніяхъ, какихъ-либо уступокъ отъ бюрократіи. Съ другой стороны, представилось съ совершенною ясностью, что и введеніе конституціоннаго строя само по себѣ вовсе не разрѣшаетъ украинскаго вопроса, а вводитъ только новые факторы въ борьбу украинской народности за ея національное самоопредѣленіе. Это, высказанное авторомъ разсматриваемой нами брошюры, положеніе—безусловно справедливо. Положительный исходъ общаго освободительнаго движенія не обозначаетъ еще положительнаго рѣшенія украинскаго вопроса. Это лишь первый, быть можетъ—самый важный и трудный, но вовсе еще не окончательный этапъ въ его разрѣшеніи, которое можетъ правильно состояться только въ свободномъ правовомъ государствѣ. Атмосфера такого государства не можетъ мириться—по идейнымъ и практическимъ основаніямъ—съ тѣмъ глубоко ненормальнымъ положеніемъ, въ которомъ находится народность настолько крупная, настолько богатая содержаніемъ и жизненными силами, не разбитыми столѣтіями насильственнаго подавленія, и имѣющая всѣ шансы матеріальнаго и культурнаго развитія. „Однимъ изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ, одною изъ самыхъ грандіозныхъ и благодарныхъ задачъ, какія предстоятъ разрѣшить освобождаемой Россіи, является, несомнѣнно, вопросъ украинскій. Скорое, успешное, справедливое разрѣшеніе его неотложно необходимо не только въ интересахъ самого украинскаго народа—самой большой изъ негосударственныхъ народностей Россіи, обреченной старымъ режимомъ и поставленной въ самыя невозможныя условія существованія,—но и всей освобождаемой Россіи. Подавленіе естественныхъ стремленій огромнаго, тридцатимилліоннаго населенія къ своему развитію и самоопредѣленію неизбежно порождаетъ не только застои и упадокъ, но и всякаго рода аномаліи—какъ въ средѣ подавляемой народности, такъ и въ тѣхъ органахъ, которыми это подавленіе производится. Система гнета и денационализаціи неизбежно становится системою политической и общественной деморализаціи, и угнетаемая провинція всегда и вездѣ служитъ очагомъ разложенія для самихъ господствующихъ народностей,—для всего государственнаго организма. Какого рода элементы создаетъ система, царствующая въ подавляемыхъ окраинахъ Россіи, событія послѣднихъ мѣсяцевъ еще разъ показали съ полною очевидностью. Въ числѣ ихъ,

лишенная условий правильного развития и самоопредѣленія, Украина останется тяжелымъ камнемъ у ногъ будущей Россіи“.

Трудно сейчасъ опредѣлить всѣ детали возможнаго разрѣшенія украинскаго вопроса. Но несомнѣннымъ представляется во всякомъ случаѣ одно: рѣшеніе это должно быть таково, чтобы оно могло сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства, обезпечить свободное развитіе національности въ его составѣ, чтобы тѣмъ освободить отъ напрасной траты силъ на національную борьбу. Эти условия опредѣленно предуказываютъ такую форму разрѣшенія вопроса, которая сравнительно еще недавно представлялась однимъ изъ наиболѣе страшныхъ политическихъ жупеловъ, но уже за послѣдній годъ успѣвшая пріобрѣсть въ довольно широкихъ прогрессивныхъ кругахъ даже нѣкоторую популярность—хотя въ отношеніи только къ одной изъ населяющихъ Россію народностей. „Вполнѣ опредѣленно вырисовался предъ украинскимъ обществомъ фактъ,—говоритъ проф. Грушевскій,—что гарантіи свободнаго національнаго, экономическаго и культурнаго развитія оно можетъ найти лишь въ автономіи, обнимающей всю украинскую территорію, т.-е. мѣстности съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ Россіи. Только такая реформа можетъ избавить его отъ перспективы національной борьбы, отъ необходимости тратить усилія на разрѣшеніе національнаго вопроса, организуя общественныя силы для борьбы съ неблагоприятнымъ отношеніемъ къ украинству правящей бюрократіи и руководящихъ сферъ великорусскаго общества, расходовать общественную энергію на національное треніе, для достиженія того, что должно послужить простою почвою для развитія культурнаго и экономическаго прогресса народа—свободы и нестѣсненности его національной стихіи. Съ выдѣленіемъ національной территоріи и предоставленіемъ ей широкаго самоуправленія, национальность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устройство экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нѣчто само собою подразумеваемое, никакихъ особыхъ усилій и соображенія не требующее, простую почву, какъ я сказалъ, на которой совершенствуются экономическія и культурныя отношенія. Для народности, такъ запущенной бюрократическою политикою въ своемъ экономическомъ и культурномъ развитіи, какъ украинская, было бы въ высшей степени важно получить возможность сосредоточить всѣ силы и энергію на экономическомъ и культурномъ подъемѣ массъ, не тратя времени и силъ на національную борьбу—и эту возможность можетъ дать ей только національная автономія“.

И мы ни мало не сомнѣваемся, что въ концѣ концовъ украин-

скій вопросъ придетъ къ такому именно рѣшенію, --- когда дѣйствительныя нужды и потребности обширнаго и богатаго по природнымъ условіямъ, но истощеннаго благодаря централистической политикѣ, края перестанутъ быть terra incognita, когда онѣ будутъ трактоваться не по заранѣ предвзятымъ и субъективно-теоретическимъ соображеніямъ, не по шаблону все нивелирующаго бюрократическаго централизма, а въ соотвѣтствіи съ реальными интересами края и самого государства.

О. Бѣлоусенко.
